
ОТДЫХА НЕТ СОЛДАТУ

Ожидая следующей атаки, они молча лежали на откосе, образованном взрывом авиационной бомбы. Время от времени тишину будоражил злой посвист пролетающих над головами немецких мин.

Безучастно глядя перед собой, лейтенант думал об убитом командире расчета, совсем еще мальчике, о почти израсходованном боекомплекте, о предстоящем ночлеге взвода — и вдруг, словно очнувшись, поймал себя на том, что давно смотрит на подснежник, слегка придавленный комом отброшенной земли. Это показалось невероятным — война, а подснежнику пришло время цвести, и он не может иначе!

Лейтенант думал обо всем этом, продолжая в то же время прислушиваться к свистящему звуку

невидимых мин.

То, что эта летела на них, он понял сразу. Сверлящий звук, стремительно понижаясь, нацелен был, казалось, прямо в голову. И боец прижался к откосу, и все его тело напряглось, ожидая удара. А самого взрыва он не услышал. Только успел ощутить в какие-то доли секунды, что проваливается в удушающе теплую и тёплую яму...

Очнулся он от голосов. Низкий сипловатый голос прямо над его спиной произнес:

— Ну, этот, кажется, отвоевался. Экая лужа крови натекла.

Он сразу понял, что это о нем, и вдруг испугался, что они уйдут, и попытался встать, но словно многотонная тяжесть вдавливала, втискивала его голову в землю. Тогда он закричал, хотя ему только показалось, что

закричал. Губы его зашевелились, но он не произнес ни звука. Он сделал еще одну отчаянную попытку сбросить невероятную тяжесть. И услышал над собой удивленный голос:

— Николай, погоди-ка, этот вроде пошевелился...

Перенеся три операции подряд, в том числе трепанацию черепа, инвалид войны Михаил Данилович Чирва осенью 1943 года прибыл в отцовский дом на Кубани. Предстояло решать, как жить дальше. Да, конечно, он будет агрономом. Если уж судьба даровала ему жизнь, то он посвятит ее самому мирному и доброму делу на земле.

Но прежде чем стать в 25 лет студентом, ему еще пришлось служить в армии после выздоровления и выйти в чистую лишь после нового тяжелого заболевания,

вызванного ранением.

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему...» Можно найти, очевидно, много причин, почему группа бывших мелких колхозов Ново-Троицкого куста сбилась в сторону от большака и далеко отстала от других, но факт остается фактом: объединенный колхоз «Путь Ленина», куда Чирва пришел председателем в 1959 году, начал жить по-человечески лишь в последние 3—4 года, а в благоустройстве, строительстве, может, только начинает! Когда в январе нынешнего года председателю сказали, что в колхозе хочет побывать работник ЦК партии, он впервые как-то со стороны посмотрел на колхоз, сравнил его с другими и внутренне заметался. Что он покажет? Обшарпанную, со скрипучими деревянными лестницами контору — бывший жилой дом МТС? Просевшее от старости здание мастерской —

наследство все той же МТС? Десятки автомашин и тракторов на открытом дворе, обезображенном глубокими замерзшими колеями? В колхозе только начали обстраиваться, но это не шло ни в какое сравнение с соседними хозяйствами, которым завидовал Чирва и где, очевидно, уже побывал московский гость. И председателю было унижительно думать о том, что ему, вероятно, придется говорить о каких-то там обстоятельствах, вместо того, чтобы блеснуть, показать товар лицом...

Проводив гостей, председатель, опустив голову на стол, долго сидел один в пустом кабинете. И вспомнилось...

Февраль 1959 года. Колхоз только что укрупнился. В кассе ни копейки, кормов на ферме внатраску. А что это за фермы! Свиньи размещаются в восьми местах, коровы — в двенадцати, птица — в пятидесяти двух. Механизации никакой, жилья близ ферм не хватает, и никого не

затащишь в животноводы.

Как на Калининском фронте командир минометного взвода Чирва вместе с бойцами дрался за каждую деревеньку, за каждую высоту, так сейчас вместе с членами правления, специалистами он дерется за каждый рубль. Но этого хватает только, чтобы платить самым нуждающимся, и то лишь после обсуждения на правлении колхоза.

Однажды он приехал домой почти в полночь — затянулось заседание правления, искали все те же деньги. Жена не спала, и это его удивило. Пытаясь скрыть тревогу, пошутил:

— Что не спится или соскучилась?

Но та заговорила резко, с обидой:

— Я уже молчу о том, что ты приезжаешь домой, как в гостиницу, что-дети тебя не видят неделями. Ты уже два месяца не приносишь зарплаты...

— Ах, ты вот о чем! — Чирва подошел к жене. — Прости, что

не сказал раньше: все думал — выкрутимся... Пока всем не начнем выдавать, зарплату свою я не возьму! Пойми¹ меня.

И она поняла и кормила мужа — руководителя крупнейшего хозяйства — и троих детей в течение восьми месяцев на свой заработок учительницы! Да, конечно, ему все равно было тяжело, когда приходили колхозники и, срываясь на крик, требовали отдать заработанное. Но было в то же время и легко: он, председатель, в беде был наравне с другими и мог, не стыдясь, объяснять им причины безденежья, а если надо, то и накричать на нерадивого, сунуть носом в недостатки. ЭТОТ РАССКАЗ я услышал от Михаила Даниловича вечером у него» дома, когда, промерзшие до костей, мы лепились у раскаленной печки. Но утром, читая в конторе колхоза его доклад на отчетно-выборном собрании, я подумал, что председателю в общем-то вовсе не за что было стыдиться

перед москвичом. Вот цифры роста хозяйства с 1964 по 1966 год. Валовой доход — 2513191 рубль и 5098206 рублеЛ; чистая прибыль—742 тысячи и 2311 тысяч рублей, оплата труда в расчете на отработанный человеко-день — 3 рубля 10 копеек и 4 рубля 47 копеек. К началу нынешнего года создан годовой страховой фонд оплаты. Да ведь этим может гордиться любой колхоз Ставрополя!

И вдруг в глаза бросилась убогость обстановки председательского кабинета. Два составленных Т-образно разномастных стола, продавленный диван, разномастные стулья, дешевые дорожки на полу. И костюм председателя под стать убранству кабинета: черная гимнастерка, грубые сапоги. Что это — своеобразный шик наизнанку?

Но не для шика же здесь эти два стола, заваленные газетами и журналами? Почему до отказа забит книгами шкаф? Почему в углу свалена куча отлично

выполненных таблиц, которые можно обычно встретить на экономических конференциях? Прорисовывался образ нового руководителя на селе — руководителя-ученого, для которого смысл жизни заключается прежде всего в возможности мыслить, сравнивать, делать открытия.

— Это вы очень правильно заметили!— горячо заговорила Екатерина Тимофеевна Озерова, главный зоотехник колхоза, едва я заикнулся о своих наблюдениях.— Я вот уверена, что все эти стулья он даже не замечает. Бы знаете, как он нами, главными специалистами, руководит? Постороннему рассказывать страшно! Так вот слушайте. Мы его днями иной раз не видим,— то он у соседей, то в крае, то в районе,— а каждый день думаешь, как бы лучше сделать. Ведь он верит нам, надеется...

Беседа с Озеровой лишней раз укрепила постепенно складывавшееся у меня мнение о своеобразном стиле работы

председателя. Это, так сказать, витание в облаках, если «землею» считать то, чем иной председатель колхоза занимается по 10—12 часов в день и каждодневно — расстановкой людей и техники, распределением материальных фондов, разбором жалоб, бесконечными поездками по бригадам и фермам. На 8С—90 процентов этими «земными» делами занимается: заместитель председателя, опытнейший хозяйственник с 30-летним стажем работы Иван Федорович Жидков, секретарь парткома, главные специалисты — каждый в своей области полный хозяин. Их подкрепляют бригадиры, заведующие фермами, тоже широко автономные в принятии решений.

Такое доверие, на первый взгляд, граничит с беспечностью, но в том-то и дело, что за всем этим у Чир-вы стоят годы пестования руководящих кадров колхоза.

...Весна 1960-го.

Наконец-то выданы людям деньги, полегче стало с кормами на фермах. И мысли председателя — уже о будущем колхоза. Это будущее он связывает с образованностью людей. Куда ни кинь, среди бригадиров, заведующих фермами и даже главных специалистов — практики, практики, практики!

Чирва у ректора Ставропольского сельскохозяйственного института, где раньше учился и сам, Салмина Игната Прокофьевича. Предложение председателя — организовать прием экзаменов на заочное отделение института непосредственно в колхозе.

Ректор явно колеблется.

—Сколько же у вас людей?

—Пятьдесят человек — наших 28, остальные из района.

—Абитуриентов подготовили?

—Думаю, все будет в порядке.

—Хорошо, договорились...

Местом работы приемной комиссии избрана Ново-

Троицкая средняя школа, в составе комиссии часть ее преподавателей. Чирва смотрит на склонившихся над билетами абитуриентов и вдруг чувствует, как перехватывает в горле: у многих седеющие виски, лысеющие головы. Вот закрыл глаза, о чем-то напряженно думает главный инженер колхоза Павел Григорьевич Земцев, в прошлом комбайнер, учетчик тракторной бригады. 45 лет, семьянин. Василий Хвостов, Николай Аржанов, Вячеслав Мещеряков, его жена Майя — эти моложе, этим будет легче...

Сейчас, спустя семь лет, многие из этой первой «волны» уже окончили институт и стали учеными агрономами, зоотехниками. Но не уменьшается число новотроицких колхозников в списках вузов и техникумов страны! За пергой выплеснулась вторая «волна» желающих учиться, потом третья. Среди них совсем пожилые люди — тракторист Иван Сер-

геевич   Бабанский,
бригадир   Василий
Яковлевич Коновалов,
агроном   Георгий
Васильевич
Кульпинов...   Сейчас
только на стипендиях
колхоза учится 20
человек, причем из них
готовят не только
своих агрономов,
зоотехников,
инженерсз, но и
экономистов,
Аледиков. К этому
добавьте десятки
заочников. Список их
замыкает или, если
угодно, открывает
председатель колхоза
— аспирант
Ставропольского
сельскохозяйственного
института.

Он знает, что
сеет добрые семена—
ведь кроме
специальных знаний
эти десятки людей
принесут с собой в
колхоз дыхание
большой
общечеловеческой
культуры, станут
духовно богаче, лучше,
добрее. Он знает и
другое: вместе с ними
ему будет легче — уже
сейчас легче! —
работать. И вот почему
он с годами все больше
времени уделяет тому,
чтобы, не подменяя
специалистов, дать им
больше — генеральное

направление, новые
мысли. И для этого
председатель проводит
дни на опытных
участках и на кафедрах
научных учреждений,
изучает литературу,
беседует с
экономистами, ра-
ботает над
статистическим
материалом.

ВСЕ ЭТО для
некоторых колхозни-
ков, и особенно для
посторонних, не
совсем понятно, и
иногда о председателе
можно услышать
суровое:

«Оторвался...» Между
тем один из таких
«отрывов», забравший
много напряженного
труда, привел Чирву к
мысли о
необходимости
промышленной
переработки зерна на
месте, в колхозе.
Реализация этой
мысли—
строительство двух
мощных автома-
тизированных
зернотоков —
приносит хозяйству
ежегодно десятки
тысяч рублей. Более
подробно о выгодах
здесь говорить нет
надобности — их, эти
выгоды, сейчас знает
любой специалист
края. Но ведь Чирва

открыл эту
возможность много
лет назад!

Другой «отрыв»
— малое орошение.
Сейчас с любой
краевой трибуны
можно услышать, что
инициаторами этого
дела на Ставрополье
являются
изобильненцы, и это
правильно, но в самом
районе первым был
все-таки колхоз «Путь
Ленина». Сейчас в
колхозе 1800 гектаров
орошаемых земель, и
каждый из этих
гектаров «работает» за
два-три богарных.

Еще один
«отрыв» —
специализация
хозяйства и его
подразделений, кстати,
ставшая темой
кандидатской
диссертации
председателя колхоза.
В ней, в частности,
можно прочитать
следующее. Посевы
однородных культур,
как правило,
размещаются в одной-
двух бригадах. То же
самое в
животноводстве:
вторая бригада—
размещаются овцы и
молочная ферма на 500
коров, третья бригада
— овцы и
общеколхозный пункт

по откорму крупного рогатого скота, четвертая бригада — только овцы; отдельно сосредоточено все стадо свиней, отдельно — вся птица. Укрупненные фермы наделены землей и техникой. В связи с этим меняется структура управления специализированными участками.

Но почему же сейчас, когда диссертация уже переплетена и готова предстать перед очками членов государственной комиссии, снова и снова закапывается Чирва в книги, сидит по вечерам с бухгалтером и экономистами колхоза? Почему пишет в Москву? Получилось так, что один, казалось бы, проработанный вопрос — внутрихозяйственная специализация — потащил за собой второй, совершенно неизученный, потом третий, четвертый. Это оптимальный размер хозяйства, число ведущих отраслей, их размеры, обеспечение людей работой.

Может, еще

несколько лет, прежде чем председатель скажет окончательное слово по этому поводу. Пока ему ясно одно — продолжать концентрацию отраслей, кое-что ликвидировать и всемерно развивать подсобные предприятия, овощеводство закрытого грунта, чтобы занять рабочую силу в течение года, дать людям устойчивые заработки...

**ВЕЧЕРНИЕ
РАЗМЫШЛЕНИЯ** о стратегии по утрам сменяются более прозаической тактикой — борьбой за выполнение планов, борьбой — все той же вечной борьбой! — за копейку. Вот поехали в Бескес, а там парниковые рамы по семь рублей. Правда, около двух тысяч изготовили своими силами, и обошлись они по 2 рубля 50 копеек, но где еще брать лес? И Чирва звонит кому-то в край и жалостливым голосом просит не забыть колхоз, когда придут детали рам по два рубля за комплект. Как бы между прочим,

заговаривает о рыбалке на Ново-Троицком водохранилище — «Ребята мои во каких усачей на водосбросе таскают!» А мне представляется, как он, не рыбак, увлеченно будет рассказывать снабженцу рыбацкие были и небылицы и, конечно же, поставит за свой счет угощение, и опоздает долгой, к семье, где его ждут жена и ребятишки. И все это ради того, чтобы выгадать для колхоза несколько тысяч рублей.

Да, жаден Чирва к деньгам, жаден даже сейчас, когда заработки колхозников — одни из самых высоких в крае. Может, это уже стало привычкой? Но тут же я вспоминаю его разговор с заместителем секретаря парткома Николаем Семеновичем Кривенцовым: «Денег на премии не жалеть! Только выдавать не из-под полы, а обязательно на бригадных собраниях, с аплодисментами». Вспоминаю гордость в голосе председателя, когда он говорил о том, что в минувшем

году 17 человек получили бесплатные путевки и курсовки в санатории, 12 побывали по путевкам за границей, около ста человек получили туристские путевки. Нет того месяца, чтобы передовики производства не побывали в крайдрамтеатре.

И потом я думаю, сколько же денег нужно, чтобы перевести центральную усадьбу колхоза из Передовой в Ново-Троицкую! В станице уже построены трехэтажная школа-интернат на 300 мест, двухэтажная больница на 50 мест, возводятся стадион, здание правления колхоза. Надо построить в бригадах только в этом году два детсада по 90 мест каждый, клубы, пекарни, бани, заложить гараж на 50 автомобилей. А в Пятигорске на паях с соседними хозяйствами уже возводится санаторий. Тянут водопровод, заказаны проекты на газопровод, Дворец культуры.

И надо спешить все это сделать, ибо Чирва не знает, как будет со здоровьем.

Позади уже девять операций, а осколок мины до сих пор вблизи сердца, и хорошо, если он будет и дальше вести себя так же «благоразумно», как до сих пор.

— Только чур, об осколке не писать,— смеется Михаил Данилович,— а то тут все меня жалеть начнут, ни с кем не поругаешься...